

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ М.С.-Г. АЛБОГАЧИЕВОЙ
«ИСЛАМ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ИНГУШЕЙ: ИСТОРИЯ, ПРАКТИКИ,
ИНСТИТУЦИИ (XVIII - НАЧАЛО XXI ВВ.)», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ 24.1.169.01 ПРИ МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО
СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.6.4. – ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Ислам, как, возможно, никакая другая религиозная система, обладает глубинным качеством быть встроенным в социум, явиться органической частью социальной жизни, как в своих институциональных основах, так и в повседневных, обыденных практиках жизнеустройства. Отсюда проистекает актуализированный исследовательский интерес конкретно к этнографическим аспектам бытования ислама в его различных исторических, региональных и этнических репрезентациях. Российский ислам не исключение. Это породило к настоящему времени весьма значительную и весьма ценную литературу, но которая зачастую страдает некоей ограниченностью, связанную со смещением исследовательского объекта либо в сторону т.н. народного ислама, либо его политизированных форм, либо истории его институционального становления.

В представленной вниманию Диссертационного совета работе ее автор Макка Султан-Гиреевна Албогачиева предприняла весьма успешно реализованное комплексное исследование ислама на примере его исторического и современного бытования в ингушском социуме.

Хронологические рамки работы весьма протяжены, с охватом периода от нижней границы XVIII века до начала текущего столетия. Понятно, что за этот период объект исследования претерпевал значительные и глубокие эволюционные трансформации, поэтому их изучение требовало адекватной источниковой базы. В работе она представлена тремя категориями источников.

Прежде всего – это полевые материалы автора. Не могу не отметить их уникальность и эксклюзивность. Соискатель соприкоснулась с миром во многом потаенных, скрытых форм народной культуры, той сферы, которая, по понятным причинам тщательно и ревностно оберегается от постороннего присутствия, от безразличного, а то и недоброжелательного взгляда (так, кадры проведения громкого зикра неоднократно использовались в медиа, особенно в период чеченских военных компаний, для дискредитации и демонизации «противника»). В данном случае М.С.-Г. Албогачиева могла наблюдать за этнографическими реалиями, опрашивать информантов, а затем фиксировать (письменно и визуально) материал, анализ которого представлен в диссертационном исследовании. Не буду останавливаться на проблеме (в действительности, немаловажной) статуса наблюдателя - является ли он включенным в

группу в силу своего этнического происхождения, или культурного бекграунда (как в случае с диссертантом), либо допущенным в силу доверия группы и приобретения в ней личного авторитета. В данном случае важно, что автор исследования проявил себя внимательным и объективным наблюдателем, сумевшим отметить живые механизмы функционирования традиции, ее, с одной стороны, стойкости, с другой гибкой изменчивости и приспособляемости, зафиксировать и описать нюансированные оттенки духовных и идеологических представлений, основанных на «исламских» ценностях и поддерживающих «исламские» практики в наблюдаемом социуме.

Другая категория источников — документальные данные, как опубликованными, введенными ранее в научный оборот, так и полученными при поисковой работе с фондами ряда центральных и региональных архивов. Третья категория - это литературными свидетельствами, извлеченными из многочисленных очерков, описаний, травелогов, газетных публикаций и т.п. печатных свидетельств – последнее не менее трудоемкая поисковая работа, чем архивные изыскания, но, думаю, что для соискателя она во многом была облегчена тем, что в его распоряжении имелась фундаментальное издание «Об Ингушетии и ингушах», в котором собран значительный корпус литературных свидетельств об ингушском этносе. Составителем, комментатором и публикатором этого издания является М.С.-Г. Албогачиева, которая этим изданием подытожила свою многолетнюю весьма результативную собирательскую деятельность. Собранные сведения естественным образом составили источниковый фундамент исторической части рассматриваемой работы.

В соответствии с нормативными требованиями в диссертации присутствует историографический обзор, который призван дать представление об истории накопления знаний по рассматриваемой проблеме. Автор очень широко подошел к этому разделу, начав с первых академических экспедиций на Кавказ, состоявшихся во второй половине XVIII в. Автор детально перечисляет встречающиеся в литературе «упоминания» об интересующем объекте., старается не упустить авторов, в текстах которых содержатся некие «сведения» о предмете, вылавливает крупинки информации в разнообразных публикация, доведя линию историографического развития вплоть до новейшей современности.

При всей тщательности, академичности и всеохватности представленного обзора, я не могу однозначно поставить его в заслугу автора. Задача диссертационного историографического обзора не в том, чтобы инвентаризовать все «упоминания», «сведения» и т.д., а в том, чтобы дать представление о существующих эвристических подходах и изучению проблемы. В этом случае интерес представляю только те публикации, в которых фактологический ряд нарратива присутствует не в качестве суммы

«сведений», или единичных «упоминаний», а является источниковым материалом, который структурирует в рамках обозначенных целей и задач, а сама работа подводит аналитические концептуальные итоги предпринятого исследования.

При таком подходе историографический обзор диссертации закономерно сократился бы более чем на половину, оставив на его страницах едва ли не с полтора десятка работ предшественников, в которых, действительно, предпринята попытка целенаправленного комплексного изучения исламской составляющей в социальном развитии ингушского общества. Именно эти работы составляют костяк историографии проблемы, именно к ним М.С.-Г. Албогачиева чаще всего апеллирует, редко соглашаясь, а в основном полемизируя со своими предшественниками.

Оценивая исследовательские итоги изучения очерченной проблемы, М.С.-Г. Албогачиева весьма жестка в своих определениях, и я во многом с ними согласен. Так, автор весьма критически оценивает проявившееся с 1960-х гг. в советской историографии обыкновение изучения «вайнахов», в рамках которых нивелировалась историческая и этнокультурная специфика чеченцев и ингушей, которых представляли неким единым, тотальным, нерасчленимым и нерасчленимым массивом, что полностью противоречило историческим и этнографическим данным. Другая претензия автора состоит в том, что «под влиянием атеистической пропаганды тех лет в научной литературе появлялись статьи антирелигиозной направленности, в которых критиковался ислам, духовенство и священнослужители» (с. 9). Это верно, но проблема не в том, что «критиковались ислам и духовенство», а в явной тенденциозности и ангажированности фактологического ряда, представленного в этих работах, и их конечных выводов, которые по существу искажали историю ислама в Ингушетии, его роль в социально-культурной жизни, в духовном обиходе, его реальную роль в формировании системы жизненных ценностей, индивидуальной и групповой идентичности ингушей.

В то же время М.С.-Г. Албогачиева обошла, как мне кажется, другой историографический тренд, характерный для последних десятилетий, который характеризуется взрывным интересом к проблемам истории и современного функционирования ислама в Ингушетии. Важно отметить, что подавляющее большинство соответствующей печатной продукции относится к публицистической и научно-популярной литературе, т. е. выходящей за пределы собственно научного знания. Исследовательская историография также ответила на этот общественный интерес. В последнее время в Ингушетии появилось немало интересных работ (о них говорится в историографическом обзоре), но некоторой общей для них тенденцией является определенная идеализация исламского компонента в истории и культуре ингушей,

гlorификация отдельных деятелей уммы и т.п., что в целом также не идет на пользу изучению объекта.

В целом это свидетельствует о необходимости продолжения исламских исследований на ингушском материале и несомненно повышает актуальность и научную значимость работы, проведенной М.С.-Г. Албогачиевой.

Основные исследовательские объекты диссертационной работы обозначены в расширительной части заглавия. Ислам в Ингушетии интересует автора в контексте его истории, бытующих обрядово-ритуальных практик и институциональных форм функционирования в социуме религиозного контента. Эти номинации развиваются, расширяются, детализируются формулированными автором конкретными целями и задачами исследования.

Специфики последующих этапов религиозной истории Ингушетии, то многие выстраивали некую схему последовательную смену идеологических систем: язычество-христианство-ислам. М.С.-Г. Албогачиева отвергает эту схему, показывая, что в исторической реальности протекал гораздо более сложный процесс, склоняясь к точке зрения, что все мировоззрения существовали одновременно. Автор ссылается при этом на данные переписей. Но мне и эта точка зрения не представляется верной. То, что переписи ежегодно указывали на наличие христиан, могло быть пустой формальностью, (с. 44), тем более что автор описывает, как ингуши манипулировали миссионерами, извлекая разные блага по несколько раз крестились.

Другое дело, что стержнем оставалась традиционная религия, отголоски которой были еще в XIX в. (с. 40, 44), о которой мы имеем прочно документированные данные и главное не статистические, а описания и нарративы непосредственных наблюдателей. Эти описания свидетельствуют, что от христианства не сохранились ни догматика, ни мифология. Отдельные ерды свидетельствуют, что в раннее средневековье христианство распространялось, но лишь несколькими монументальными памятниками и мизерным лексическим пластом в ингушском языке, но зато прочно функционировали в сознании традиционные персонажи, о которых автор подробно описала.

Исторически ислам пришел и укоренился на Кавказе, в том числе на территории Ингушетии, в форме суфийских идеологий и практик кадирийского и накшбандийского тарикатов. Автор внимательно прослеживает за этапами распространения тарикатов, рассматривает факторы и детерминанты столь быстрого распространения и глубокого проникновения суфийского компонента в бытовые устои общества, реконструирует биографическую канву жизни и деятельности провозвестников суфизма в Ингушетии, прежде всего Кунта-хаджи Кишиева, Дени Арсанова и последующих шейхов и устазов ингушского суфизма.

При отсутствии с современной Ингушетии живых шейхов культ основателей остается непререкаемым, соответственно их имена, жизнь и деяния включены в широкий пласт вирдовской мифологии. Вполне понятно, что устазы - это сплошь идеальные персонажи, благочестивые и богопослушные, обладающими самыми выдающимися качествами. Великий Кунта-хаджи считался чудотворцем (с. 81); у Батал-хаджи Белхароева были сверхъестественные способности, что позволяло ему за 2–3 часа мог проехать 200 верст и вернуться обратно, невидимым ходить среди людей, он обладал также даром ясновидения, предсказал предстоящую депортацию ингушей и последующие 13 лет на чужбине (с. 87); Бамат-Гирей-хаджи Митаев и Батал-хаджи Гарданов отличились тем, что долгие годы провели в затворничестве и в жестком самоограничении (с. 86, 90); Дени Арсанов сам строил мосты и дороги (с. 120) и т.д. Эти знания являются одним из существенных элементов вирдовой идентичности, сплачивающей и объединяющей членов братства.

Впрочем, главный исследовательский пафос вторая главы диссертации заключен в описании и анализе социально-религиозной структуры ингушского общества, спецификой которого как раз и является вирдовая система. По определению М. С.-Г. Албогачиевой, вирд это «религиозное братство, члены которого дают обет придерживаться пути, предложенного их основателем — шейхом» (с. 18). Действительно, описывая вирды, автор отмечает высокий авторитет духовных и нравственных заповедей, оставленных шейхами своим последователям, которые реально считают необходимым личным благом следование этим жизненным путем.

Значительный объем этих заповедей связан с ритуальной стороной функционирования вирдов. Автор дает описание соответствующих обрядовых практик. В этих описаниях М. С.-Г. Албогачиева демонстрирует виртуозность в нарратизации своего полевого материала. Она тщательно и детализировано описывает практику зикра: подготовку к его проведению, сценарий действия, способы исполнения, общие принципы и специфику, наблюдаемую в отдельных вирдах с фиксацией мельчайших отличий исполнения зикра не только между кадиритами и накшбандийцами, но и среди вирдов одного и того же тариката. Это очень важный исследовательский материал. При всей важности и информативности визуальной фиксации действия, она не дает адекватного понимания и представления об объекте, которое можно достичь при использовании материалов, вводимых в научный оборот М.С.-Г. Албогачиевой.

Возвращаясь к авторским дефинициям, обращает на себя внимание указание автора, что вирдовая система является «основной формой исламского жизнеустройства ингушей». Однако жизнеустройство не сводится лишь к религиозным радениям,

исполнениям зикра и песнопений-назмов, а имеет более широкий смысл и значение, которые выхолят за пределы собственно исламской составляющей.

М.С.-Г. Албогачиева наглядно это показала, проанализировав роль вирдовой организации в функционировании ряда основополагающих устоев ингушского быта, например, связанных с широко развитой в социуме системой социальной поддержки и кооперации, взаимосотрудничества и взаимопомощи. Проявляемое в определенных жизненных ситуациях, прежде всего экстраординарных, выбивающихся из обыденной повседневности, – похороны, поминки, свадьбы и т.п. случаев, требующих определенного напряжения материальных и физических сил первичной ячейки, эта система опирается во многом на вирдовую солидарность, при этом полевыми материалами автора зафиксирована преобладающая мотивация участников этих акций, которая сводится к утверждению о следовании заповедям шейхов, принятых в данном вирде.

В работе приведены и другие примеры, которые свидетельствуют, что вирды непосредственно влияют на «жизнеустройство» своих членов в вопросах, весьма далеких от собственно религиозной составляющей. Так, белхароевцы установили строгую внутривирдовую гендерную эндогамию, запрещая, в частности, своим женщинам выходить замуж за представителей других вирдов, тем более за не ингушей и за не мусульман; санкции, которые накладывает вирд на ослушниц весьма жестоки. У вирдов весьма определенные и строгие требования по отношению к одежде.

Одновременно вирды претендуют на некое общественное позиционирование, обозначение своего веса и авторитета в общественно-политическом пространстве ингушского социума, оставляют за собой право на общественное высказывание, к которому в обществе прислушиваются. В этом отношении весьма характерен пример учреждения вирдом Белхароева ордена имени Батал-хаджи.

А какова политическая позиция вирдов? Имеется ли она в настоящее время? Когда-то была. Автор указывает, что движение Кунта-хаджи и его последователей, по существу, приняло форму «религиозно-политической организации» (с. 81). Утерян ли в настоящее время политический потенциал вирдовской организации? В контексте исследования было интересно и крайне важно уяснить, в каких формах существует (если существует) вовлеченность вирдов в политические события в Ингушетии, хотя бы последнего времени, например, связанные с конфликтом по поводу отторжения земель республики, особенно если сравнить с весьма активной позицией в этом вопросе, которую заняли официальные исламские структуры, в частности в лице тогдашнего муфтия Исы Хамхоева.

Таким образом, на материалах исследования вирды предстают не только религиозным объединением. Сохраняя его внешнюю оболочку и, безусловно, во многом удовлетворяя религиозным потребностям и чаяниям своих членом, поддерживая их

исламскую идентичность, вирды в реалиях ингушского социума институируют более широкие общественные смыслы, и их структурообразующие, интегрирующие интенции подпитываются из более широких социальных оснований.

С этой точки зрения данное в работе определение понятия *вирд*, на мой взгляд, недостаточно и неадекватно, оно не дает полной понятийной дефиниции данному феномену. Между тем, половинчатость термина отразилась, на мой взгляд, и на исследовательской стратегии, привела к некоторому снижению познавательного интереса автора к социальным аспектам функционирования вирдовской организации. Мы надеемся, что полная реализацию этих задач будет осуществлена в будущем.

Весьма тщательно разработаны другие разделы диссертационного исследования, представленные, в частности, в третьей главе, в которой автор рассматривает бытовые практики ингушей – обряды жизненного цикла, праздничные обыкновения и то, что автор определяет как *этносоциальные реликты*. Последнее определение не представляется мне убедительным, во всяком случае, мне непонятно, почему бытовые нормы, которые реально функционируют в ингушском быту, судя по материалам, диссертации не проявляют тенденций к исчезновению, или угасанию из повседневной практики, характеризуются автором, как *реликты*.

Так, в эту категорию попала такая практики, как кража девушек, похищение невест – в старой этнографической литературе это обозначалось понятием *умыкание*, но М.С.-Г. Албогачиева воспользовалась дефиницией, предложенной Я.С. Смирновой – *брак уводом*. Автор констатирует: «этот старинный обычай оказался удивительно живучим, несмотря на то что он в корне противоречит исламу и не одобряется многими членами общества» (с. 155). И далее ряд выразительных примеров этих казусов в современном ингушском быту, что зафиксировала автор во время полевых экспедиций. Более того, на конференции мусульман Ингушетии в 2013 г. «был принят закон, запрещающий кражу невест как противоречащий законам РФ и не соответствующий нормам шариата» (с. 154), установлены штрафы за умыкание. Тем не менее, «этот старинный обычай оказался удивительно живучим». Тогда почему этот обычай определяется как *реликт*?

Автор, правда, указывает, что браки уводом являются единичными случаями и они безоговорочно осуждаются общественным мнением. Но это нельзя рассматривать как новацию, так как и в традиционных кавказских обществах умыкание было отнюдь не частым явлением, и точно также кража девушек, входя в комплекс нормативных представлений, все же рассматривалось как нежелательное нарушение социального порядка, тем более что казус часто влек за собой вражду, в том числе кровную, между вовлеченными сторонами, что вынуждало социум включать миротворческие механизмы для восстановления в общине социального мира.

Или калым. В концепции М.С.-Г. Албогачиевой он тоже попадает в категорию реликтов. Между тем, в описаниях автора мы встречаем убедительные примеры, того, что материальные взносы являются строго необходимым составляющим элементом при оформлении брачного союза. Более того, конференция мусульман Ингушетии 2010 г. сочла необходимым нормировать этот обычай, установив сумму в 40 000 руб. (с. 157).

То же относится к кровной мести. Факты последнего времени свидетельствуют, что в современной Ингушетии это не «реликт», а вполне жизнеспособный социальный институт, который своим функционалом определенным образом регулирует общественные отношения между индивидами и стоящими за ними группами. Другое дело, что вспыхнувшее кровомщение нарушало социальный мир общины и в традиционном обществе немедленно включались отработанные обычаями миротворческие механизмы, с помощью которых пытались помирить стороны и остановить вендетту. В современной Ингушетии кровной враждой оказались противопоставлены десятки фамилий, что создавало крайне опасные очаги напряжения. (Огромный резонанс получило дело по убийству Эльджаркиева, которое, судя по ингушским соцсетям, сразу было воспринято общественным мнением в республике как отражение кровной вражды убитого с вирдом Белхароева).

Критическая ситуация вынудила власти предпринять соответствующие меры. 6 апреля 2016 г. распоряжением Ю.-Б. Евкурова была создана Примирительная комиссия, главой которой был назначен Саит-Хусейн Акилов авторитетный религиозный деятель, объявленный незадолго до этого курайшитом.

Исходя из вышесказанного, мне кажется, что подход к материалу с заявленных автором концептуальных позиций неверен. Он искажает исследовательскую оптику и мешает понять истинное значение и функции в современной бытовой культуре ингушей явлений, которые определены как «этносоциальные реликты».

В то же время вычленяется и другой аспект – насколько успешной была работа примирительных комиссий. Если принимать на веру информацию официальных властей республики – достаточно успешной, так как многих удалось помирить, конфликты погасить и т.д. Однако в данном случае гораздо важнее провести полевое исследование и дать этнологический анализ реальной ситуации, которая развивается в сложных условиях правовой системы полиюридизма. М.С.-Г. Албогачиева посвящает этому феномену специальный раздел в 4 главе своего исследования, и это один из самых глубоких и интересных аспектов исследования, равно как и выводы, к которым приходит исследователь. Наблюдения автора свидетельствуют, что в правовом сознании ингушей симбиотично присутствуют обе системы – российское светское законодательство и нормы шариата. При этом М.С.-Г. Албогачиева показала, что сферы действия обеих систем не

пересекаются, каждая из них имеет собственное пространство компетенции. Их сравнение свидетельствует, что зона шариатского правосудия гораздо меньше, ее компетенции принадлежит достаточно ограниченный круг конфликтных казусов, тем не менее эта правовая система вполне легитимна в глазах социума и в ряде случаев апелляция к шариату гораздо успешнее находит решение по справедливому умиротворению сторон.

В заключительной, 4 главе диссертации М.С.Г. Албогачиева рассматривает ряд других аспектов функционирования ислама в социальной жизни Ингушетии и в целом оценивает его как сложное. Наибольшие проблемы связаны с наличием в Республике сил исламского радикализма. Автор абсолютно прав, когда, анализируя причины, порождающие деструктивные течения в общественной жизни, связывает его с событиями начала 1990-х гг., нарушением отлаженной системы хозяйствования, распространением безработицы, последствиями конфликта в Пригородном районе, ухудшением криминогенной ситуации и др.

Впрочем, наиболее опасное крыло радикальных сил – организация, называвшая себя «Ингушский джамаат» была разгромлена совместно действиями сил правопорядка и усилиями Муфтията республики. М.С.-Г. Албогачиева выстраивает подробную хронологию событий, анализирует тактику действий руководства Республики и официальных исламских структур по противодействию экстремизму и нейтрализации его идеологии. В целом ситуация в Ингушетии стабилизировалась. Однако, на мой взгляд, этого нельзя сказать об исламской умме, в которой происходят очень сложные политико-идеологические процессы. Автор не обходит их вниманием. Анализируя динамику ситуации, М.С.-Г. Албогачиева выявляет трех активных акторов, конфликтные взаимодействия которых создают в обществе линии напряжения и содержат латентную угрозу дестабилизации обстановки. С одной стороны, это Муфтият, который претендует на монопольное право быть религиозным авторитетом для всех жителей Ингушетии, с другой – сторонники идей, активно внедряемых в общественное сознание проповедями И. Цечоева, Х. Чумакова и др., и, наконец, официальная власть.

Завершая, отмечу, что высказанные выше пожелания не носят принципиального характера. Они лишь результат рефлексий и раздумий над исследовательским текстом М.С.-Г. Албогачиевой. Диссертационную работу оцениваю весьма высоко, рассматриваю ее как значительный и весомый исследовательский вклад в познание весьма актуальной научной проблемы. Работу отличает четкая постановка целей и задач, обоснованность и достоверность выводов, что способствует расширению, углублению и детализации наших знаний по сформулированной проблеме. Основные положения и выводы автора пополняют теоретический и исследовательский тезаурус нашей науки. Отныне мы гораздо

лучше представляем основные пути эволюции и современного состояния ислама в Ингушетии.

Автореферат полностью соответствует содержанию и основным положениям диссертации. Представленная к защите диссертация «Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII - начало XXI в.» полностью соответствует всем требованиям «Положения о присуждении научных степеней» предъявляемым к докторским диссертациям. Исходя из этого, обращаюсь к Диссертационному совету с ходатайством о присуждении Макке Султан-Гиреевне Албогачиевой искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография.

Ведущий научный сотрудник
ФБГУН Институт этнологии и антропологии РАН,
доктор исторических наук
(07.00.07 – этнография, этнология и антропология)
anchabadze@list.ru

Анчабадзе Юрий Дмитриевич

ФБГУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва 117334 Ленинский просп. 32 а
(495) 938 17 93
(985) 117 09 85
info@iea.ras.ru

